

Переславские колдуны

Переславский край поморщился глубокими оврагами и по морщинам бегут живые ручейки с укрывающимися у них самогонными заводами. Лишь дунет ветерок по оврагу, так и несёт крепкий самогонный дух от «барды».¹ Над оврагами по холмам стоят соломенные дереvушки и недолго в них застаиваются косоурные избы — всё пожары подчищают. Так это бывает: запоёт на околице красный петух, ветром дунет, побежит по крышным князькам, бабы с мелкотой в рёв, старухи — за иконы, а мужики за вёдра, да где там уж, раз разгулялся красный гость — вёдрами не остановить, тут машину бы впору, да их нет пока, подождём индустриализации страны; ну а вот из-за этого петуха стоят у нас дереvушки новенькие, глаз веселя новым порядком домиков с соломенными верхами, лишь на отлёте где-либо приютится домишка хилый с провалившимися гнилыми боками.

Огненный ураган прошёл по стране, сжёл старьё, другая жизнь заблестела новым порядком, революция закрутила в вихре всякую чертовщину: колдунов, ведъm, гадалок и выбросила, лишь на отлёте ещё держится старое.

В сосновом бору, на ручье Леденце, живёт дед Силан, старый, плесенью покрылся, а крепок, вострым глазом насквозь баб вертит, все ихние помыслы у него как на ладони; уважает и боится его вся наша бабья округа, и много о нём ведётся рассказов:

— Всякое, родной, бывает, кто правду скажет, кто враньём ливанёт, язык без костей, куда хочешь гнётся, ну уж это наверняка было, сама мне и рассказывала, пришла она к нему, жалится, просит «помоги», он старик уважительный, «можно», говорит, на ладони пальцем вертанул, пошептал, в душу дунул, как шибануло по лесу! Загрохотало! — то болесь из неё выскочила, так макушки сосен лишь поклонились, во какая у него сила! Бабе радостно стало, сразу полегчало, даёт она ему десяток яиц, — «не погребай, дедушка», он её глазами вертанул. «По Волчьему Моху шла?» — «Шла, дедушка». — «Обо мне недоброе думала?» Видит баба, что насквозь её старик глазищами вертит, повинилась она ему и о том, что жалела яйца и, если он ей не помог бы, то хотела дать только пяток. — «Коли так, голубушка, так и оставь у себя, мне дай лишь пяточек, а остальные свари да скушай, а сваришь ты на дороге, как пойдёшь домой, то на Волчьем Мхе охотники чай будут варить, ты у них и попроси водички горячей». Пошла баба домой здоровёшенька, подходит к Волчьему Мху, глядь охотники. Взяло её сумление, задумалась она, а яичко возьми дай выскользни из лукошка, хлоп об землю и разбилось, а из него-то всё черви длинные да мелкокольчатые, так на Марью и поползли, она бежать, как вбежала домой, о пол бряк, так все чувства и потеряла. Только теперь вот уж идёт второй год этому, а бабу точат мелкокольчатые, к всяким докторам ходила, не могут определить, что это за болесь такая, видно опять к дедушке Силану придётся идти.

Этот рассказ я слышал от крестьянки, идя вместе с ней в город, он рассказывался с глубокой верой, голосом, не допускающим никаких опровержений.

Мало ли про всякую чертовщину говорят, наплетут сказок с короб, да мало теперь уж этому верят, но следующий рассказ женщины меня сильно удивил, и спустя некоторое время я проверил его, расспрашивая парней и мужиков той же деревни.

Летом 25-го года в находящемся недалеко от города, подшефном упроса селе, наряжали шесть парней стеречь во время цветения рожь от «пережинов», а делают эти самые пережины так:

*Катанский, Л. Переславские колдуны / Л. Катанский // *Призыв*. — 1926. — 9 мая (№ 105). — С. 4.

¹ Самогонный раствор или «завар».

— Сядет она на клюку, рубаха у ней белая, рукава красные, волосы распустит и по полю верхом на клюке¹ уматывает, летит рожью поверху, сжиная дорожку в три колоса, и до того ровно выструнит! — через всё поле крест накрест, а следа нет, ни одного колоска не обронит, но случается, что находят такой колосок, и тогда колдунье приходит конец, нужно заткнуть колос за матицу и иссохнет ведьма, так у того дома и будет увиваться.

Делаются эти самые пережины колдуньями будто бы для того, чтобы сыпался им хлеб сам в амбары, и вот когда парни стерегли рожь, то «своими глазами» видели такую колдунью, как она по сумеречному утру садила на клюке, даже узнали чья баба, а обробели и поймать побоялись, как было — не знаю, но так говорят.

Об этом говорят в деревне, отстоящей от города на несколько вёрст, где чуть ли не каждое воскресенье я читаю доклады на разные темы, ну а что же делается в двадцати-тридцати верстах от города?

¹Кочерга